

Лукиянович Анатолий Аркадьевич, член Ярославского историко-родословного общества, Мальцева Нина Юрьевна, член Ярославского историко-родословного общества, заместитель генерального директора «ИКК «Вятское» им. Е.А. Анкудиновой» по научной работе.

Николай Никитич Никонов

(8.04.1849 г. † 1918 г.)

Для знакомства с одним из выдающихся архитекторов России конца 19 начала 20-х веков мы предлагаем нашим читателям совершить виртуальную прогулку по городу Санкт-Петербургу. Если свернуть с Невского проспекта на улицу Марата, то почти сразу на правой стороне этой улицы на пересечении с улицей Стремянной можно увидеть здание, которое не вписывается в архитектуру старого Петербурга. Многофункциональный торгово-развлекательный центр «Олимпик Плаза» вполне мог бы украсить современные городские кварталы, но в историческом центре города на Неве выглядит неуклюже.

На месте торгово-развлекательного центра до 1964 года находилось прекрасное творение архитектора Николая Никитича Никонова - Церковь Святой Троицы (1890-1893) и зал для духовных бесед (1894-1895) «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви». И каменная церковь, и зал для духовных бесед были выполнены в нарядном красочном русском стиле, за основу которого были приняты традиции ярославского деревянного зодчества. Комплекс зданий «Общества» был одним из лучших произведений Никонова и состоял из украшенной полихромными изразцами пятиглавой церкви и связанного с ней корпуса с просторным залом для собраний. Благодаря выразительному силуэту и нарядному декоративному убранству эти здания сумели принять на себя основную градостроительную роль и сделаться достопримечательностью прилегающего района. Тем досаднее, что в 1964 году они были снесены, чтобы освободить участок для сооружения безликой бани, а впоследствии торгово-развлекательного центра.

Церковь Святой Троицы и зал для духовных бесед, безусловно, пришлось по вкусу протоиерею Философу Орнатскому *(с 1892 года по 1918 год) председателю «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения». Ведь эта церковь напоминала священнику родные края под Череповцом. К слову сказать, и Философ Николаевич Орнатский, и Николай Никитич Никонов детство провели в одной и той же местности. Священник родился на юге Череповецкого уезда Новгородской губернии, в погосте Новая Ёрга, а будущий архитектор появился на свет в 20-ти километрах южнее, на стыке двух губерний, в небольшой деревушке Онофрево на севере Пошехонского уезда Ярославской губернии.

Остановимся более подробно на биографии и творческом пути нашего земляка.

Путь Николая Никитича Никонова к признанию одним из ведущих мастеров «русского стиля» никак нельзя назвать обычным. Сохранилась выписка из метрической книги «Пошехонского уезда церкви села Владычня», согласно которой в деревне Онофрево «вотчины г. Токмачева у крестьянина Никиты Никонова и его жены Татьяны Исаковой родился сын Николай в 1849 году осьмого апреля».

Пошехонье, как, впрочем, и вся ярославская земля, всегда было богато талантами, которые расцветали на почве художественных промыслов, хранивших и развивавших традиции народного искусства.

Мы не располагаем информацией, которая могла бы рассказать о том, как формировалось художественное пристрастие крестьянина Николая Никонова. Вполне возможно, что первоначальные навыки он получил, работая в артелях каменщиков или плотников, в иконописной мастерской или артели по производству керамики.

Выходец из глубокой российской провинции, архитектор-самоучка, не получивший специального образования, он, благодаря природной одаренности и настойчивости, приехав в Петербург, сумел добиться больших успехов: получил право на производство строительных

работ и звание архитектора.

Систематического архитектурного образования Никонов так и не получил. Хотя в октябре 1872 г. он был принят в число вольнослушателей Императорской Академии художеств, но, по неизвестным причинам, посещал он занятия нерегулярно, и в 1881 г. был из Академии исключен. Несмотря на это, спустя четыре года Никонов сумел получить разрешение «производить постройки», сдав для этого по установленной программе экзамен в Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел. А еще через шесть лет Никонову было предоставлено право на определение в должность архитектора «для производства разных строительных работ по Духовному ведомству». С 1893 по 1906 годы Николай Никитич занимал очень ответственную должность петербургского епархиального архитектора, в обязанности которого входило проектирование храмов и связанных с ними сооружений на всей обширной территории епархии. К этой должности он пришел, имея за плечами богатый опыт проектирования и строительства церквей и создания элементов украшения на фасадах зданий. Так, известный критик Владимир Васильевич Стасов в своей работе «Двадцать лет русского искусства» упоминает Никонова как помощника академика архитектуры Ипполита Антоновича Монигетти и говорит о его соавторстве с Никоновым в проектировании здания Политехнического института в Москве (1874-1877 гг.). В этой же статье утверждается, что Николай Никонов участвовал вместе с архитектором Николаем Петровичем Басиным в строительстве дома Басина на площади Александринского театра (ныне площадь Островского) в Петербурге (1878-81 гг.). Декоративный убор дома выполнен столь мастерски, столь виртуозно, что заставляет предполагать участие в его создании крупных мастеров «русского стиля».

К числу таких мастеров нельзя отнести владельца дома — архитектора Н. П. Басина, чья подпись стоит на проекте. Вместе с тем, высоко оценивая декоративные композиции фасадов этого дома, Стасов связывал их создание, как программное произведение народного стиля, с именами архитекторов Ивана Павловича Ропета и Николая Никитича Никонова. Именно архитектор Никонов стал, пожалуй, одним из главных проповедников ведущего в царствование Александра III направления в русской архитектуре национального или «русского стиля», поскольку опирался на историческое наследие и творческие приемы народного зодчества, особенно в декоративном оформлении.

Дом Басина в Петербурге можно легко найти, пройдя от памятника Екатерине Великой в направлении Александринского театра и устремив свой взор по правую руку. Узорчатые кружева на фасаде этого великолепного здания никого не оставят равнодушным. «Живописность общего, крупные массы и всего красивее средняя часть, увенчанная очень своеобразными низенькими куполами, ряд тройных окон со средним, выходящим выше, на манер византийской и древнерусской архитектуры, резные карнизы повсюду, русские колонки кубышками и столбиками, рассеянные по обоим фасадам, все это вместе — ново и оригинально, все это образует необыкновенно художественное целое, выпуклое, полное теней, света и колорита, достойное соперничать по оригинальности со старыми итальянскими и французскими дворцами XVI века». Так описал фасад дома Басина В.В. Стасов.

Познать всю сложность архитектурной профессии вне стен специального учебного заведения и заслужить при этом устойчивую репутацию мастера своего дела — такая ситуация для второй половины XIX века может считаться редчайшим исключением.

Одной из первых известных нам самостоятельных работ архитектора является проект деревянного жилого дома, опубликованный в 5-м выпуске «Мотивов русской архитектуры» за 1879 г.

Конечно же, талант молодого архитектора из ярославской глубинки не мог остаться незамеченным. И Никонов начинает пользоваться заслуженным авторитетом не только у своих земляков-строителей (выходцы из Ярославской губернии преобладали в Петербурге по строительным специальностям: кровельщики, лепщики, каменщики, плотники, мостовщики), ему также покровительствуют наиболее выдающиеся иерархи Русской церкви, такие как создатель проекта Спаса-на-Крови архимандрит Игнатий (Иван Васильевич Малышев) — тоже выходец из Ярославской губернии, протоиерей Иоанн Кронштадтский, протоиерей Философ и Иоанн Орнатские. В служебной карьере архитектора Н.Н.Никонова, наверняка, принимал судьбоносное участие и обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоноцев.

Учитывая все перечисленные обстоятельства, в 1893 году, после того как освободилась должность епархиального архитектора, выбор комиссии остановился на личности губернского секретаря, архитектора, имеющего домашнее образование и 44 года от роду», Николае Никитиче Никонове.

К прошению, поданному Никоновым в Консисторию 11 октября 1893 года, об определении его в должность епархиального архитектора Николай Никитич прилагает список построенных им сооружений.

Резолюция под прошением гласила: «Принимая во внимание известность архитектора Никонова в строительном деле и его доказанную опытность в построении церквей как в самом Петербурге, так и вне оного... согласно прошения... определить его, Никонова, Санкт-Петербургским Епархиальным архитектором».

По назначению на столь ответственную должность, Никонов, одновременно производивший постройку нескольких церквей, в 1894 году 11 сентября получил необычный заказ и был откомандирован в Полтаву для осмотра церкви на знаменитом поле Полтавской битвы и памятника на Шведской могиле с целью приведения их в надлежащий вид. В дальнейшем он будет неоднократно бывать там, выполнит проект памятника на могиле воинов, павших в Полтавской битве (1894 г.), а также проект иконостаса для Сампсониевской церкви на поле Полтавской битвы (1895-96 гг.) и некоторые другие работы. Эта командировка ярко свидетельствует о колоссальной исторической значимости деятельности Николая Никитича Никонова.

Тем не менее, заслуги Никонова более относятся к проектированию храмов в русском и византийском стиле.

Создавая проекты православных храмов, Н. Н. Никонов часто обращался к «московско-ярославским» темам; он очень ценил и удивительную живописность форм «московского узорочья», и колористическое богатство памятников Ярославля. Его работы свидетельствуют о хорошем понимании композиционных законов древнего зодчества. Сохранившиеся проекты Н. Н. Никонова дают представление о том, с какой тщательностью и любовью отработывал он детали своих сооружений, какое значение придавал цвету. Пристрастие к яркому, насыщенному колориту заставило Никонова обратиться к помощи испытанного декоративного материала — полихромной поливной керамики, успешно использовавшейся древними русскими мастерами. Никонов тесно сотрудничал с Миргородской художественно-

промышленной школой им. Н. В. Гоголя, где был налажен выпуск полихромных изразцов для изготовления архитектурных декоративных деталей и облицовки стен. Сам зодчий и выполнял рисунки таких деталей для их производства. Керамическую облицовку и изразцы архитектор неоднократно использовал при постройке спроектированных им зданий. Ведь керамика отлично заменяла штукатурку и обеспечивала большую долговечность сложных декоративных форм «русского стиля», что не требовало частых ремонтов. При этом свежесть красок керамики оставалась неизменной на многие десятилетия.

Список работ архитектора Н. Н. Никонова чрезвычайно велик. Только одних церквей до 1-й мировой войны великий зодчий построил 54, из них 18 в Петербурге и 36 в провинции. Вряд ли можно назвать на сегодня более работоспособного и плодотворного архитектора в области строительства культовых сооружений. А ведь кроме храмов Н. Н. Никонов возводил и гражданские объекты. К сожалению, судьба многих сооружений Никонова оказалась драматической. В годы воинствующего атеизма значительное количество православных храмов, построенных архитектором, были снесены, обезображены или до неузнаваемости перестроены.

Из 36 церквей, возведенных Никоновым в провинции, лишь немногим удалось дожить до наших дней. В списке архитектора, мы встречаем культовые сооружения на острове Валаам и в погосте Сомбатукса в Карелии, Уторгош в Новгородской области и деревне Валуево на родной Ярославщине, Копорье и Городню, Келломяки (Комарово) и Териоки (Зеленогорск) в нынешней Ленинградской области. Среди работ архитектора можно отметить также иконостас, выполненный им для посольской церкви в столице Аргентины городе Буэнос-Айресе, что свидетельствует о прямом участии зодчего в миссии распространения православной религии в самых удаленных уголках мира.

Церкви, проектировавшиеся Никоновым в сельской местности, строились как из камня, так и из дерева. Деревянным был храм в Сомбатуксе и в Келломяках (нынешнее Комарово). А вот церковь села Котлы сооружалась из камня и кирпича, что говорит о состоятельности ее прихожан.

И, разумеется, каменными возводились храмы в таких крупных провинциальных и религиозных центрах царской России, какими были Ревель (Таллин). В нынешней столице Эстонии по благословению отца Иоанна Кронштадтского и по проекту Н. Н. Никонова в 1900-х гг. была построена пятиглавая церковь подворья Пюхтицкого монастыря (монастырь и ныне действует в этой прибалтийской республике).

Одной из самых главных достопримечательностей не только Нового Афона, но и всей Абхазии, как и Кавказа по сей день значится комплекс Симоно-Кананитского монастыря с громадным Пантелеймоновским собором. Все постройки этого знаменитого монастыря, который в наши дни каждый год посещают многочисленные паломники и туристы, были возведены в соответствии с замыслами Никонова в 1888—1900-х гг.

Проектируя Ново-Афонский монастырь, Никонов предпочел использовать в его композиции формы «византийского стиля», тоже применявшиеся в православном культовом зодчестве России конца XIX — начала XX в., как и мотивы «русского стиля».

Византийский стиль также ярко прослеживается в облике Иоанновского монастыря в Петербурге на набережной реки Карповки. Проект этого монастыря Н. Н. Никонов разработал в последний год девятнадцатого столетия. Иоанновский монастырь относится к крупнейшим петербургским произведениям архитектора. Закладка монастыря состоялась в

мае 1900 г. Строительство его большого пятиглавого храма длилось два года. В последующем, в комплекс были включены пятиэтажный жилой дом, здания лазарета и иконописной мастерской, а также хозяйственные постройки. Примечательно, что настоятелем Иоановского монастыря в 1904 году был назначен Иоанн Орнатский.

Размещение монастырских сооружений на небольшом участке неправильной формы представляло собой сложную задачу, с которой, однако, Никонов превосходно справился. Зодчий построил фасады зданий в единую композицию, что придает монастырю некую монолитность. Стены монастыря облицованы керамической плиткой в два тона, что соответствует постройке древних византийских церквей с присущей для них «слоистой» кладкой. Купола храма и высокая, асимметрично поставленная колокольня, придают монастырю доминирующее положение в этой части Аптекарского острова. «Кровля куполов,— говорилось в изданном до революции описании монастыря,— покрыта блестящей поливой белого, зеленого и синего цвета, что вместе с красивой облицовкой храма уже издали производит на посетителя светлое и отрадное впечатление».

Богато и разнообразно Никоновым были декорированы основные интерьеры монастыря. Окна храма сияли красочными витражами, вторил им и пол, который выложили из цветных керамических плиток. Церковный зал был украшен двухъярусными дубовыми иконостасами, престолы и жертвенники выполнены из мрамора, а паникадило из чеканной меди. Более строго были отделаны помещения, расположенные под алтарями храма, предназначавшиеся для отца Иоанна Кронштадтского — основателя обители на Карповке. Покои отца Иоанна оставались неприкосновенными вплоть до закрытия обители. Когда монастырь стал возрождаться, всю обстановку удалось восстановить благодаря сохранившемуся описанию. Ныне в этих помещениях располагаются патриаршие покои. Когда в декабре 1908 г. отец Иоанн скончался, для его погребения послужила небольшая чудная по красоте церковно-усыпальница, устроенная незадолго перед этим в подвальном этаже монастыря тоже по проекту Н. Н. Никонова. Долгое время использовавшийся не по назначению комплекс Иоанновского монастыря в 1989 г. возвратили верующим, и ныне он именуется Свято-Иоановским ставропигиальным женским монастырем.

В отличие от Иоановского монастыря в Петербурге, трагическая участь постигла Леушинский монастырь на малой родине архитектора, в создании которого Никонов принимал самое активное участие. Возникший и развивающийся под покровительством Иоанна Кронштадтского на берегах притока Волги Шексны, что на юге Череповецкого уезда бывшей Новгородской губернии, один из самых живописных и больших женских монастырей России, словно Град-Китеж, ушел под воды созданного в годы советской власти Рыбинского водохранилища.

Кроме монастырских комплексов Никонов спроектировал несколько подворий известных монастырей. Из числа таких подворий первым по времени создания стало подворье Ново-Афонского монастыря в Петербурге, построенное в 1886—1888 гг. на углу нынешнего Московского проспекта и 2-й Роты Измайловского полка (2-й Красноармейской ул.). От возведенного здесь комплекса сохранилась только небольшая часть корпусов келий.

Еще одно подворье — Старо-Афонского Свято-Андреевского мужского скита — построили по проекту Никонова в 1889—1893 гг. на углу Дегтярной и 5-й Рождественской улиц (5-й Советской). Здесь и сейчас можно видеть высокий храм и связанные с ним жилые корпуса, фасады которых декорированы скромными наличниками окон.

Неподалеку, на углу Старорусской и Кирилловской улиц, возвышается церковь Шестаковской иконы Божьей матери подворья Шестаковского Вознесенского женского монастыря, построенная в соответствии с замыслом Никонова в 1896—1901 гг. Эта церковь, закладной камень которой освятил Иоанн Кронштадтский, представляет нечто среднее между «русским» и «византийским» стилями.

Лучшим образцам ярославских храмов, а значит, и русскому стилю соответствуют фасады зданий подворья Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря в Петербурге. Они были возведены по благословению отца Иоанна Кронштадтского, стараниями игуменьи монастыря матушки Таисии и по проекту Н. Н. Никонова в 1893—1895 гг. Первым настоятелем возведенной здесь Иоанно-Богословской церкви был протоиерей Иоанн Орнатский. Здания комплекса включены в сплошную застройку бывшей Бассейной улицы (ныне ул. Некрасова, 31) и выделяются в ней посредством разнообразной и усложненной декорации в «русском стиле».

В характере милого сердцу архитектора многоцветного «узорочья» Никонов спроектировал также церковь подворья Свято-Троицкого Лютикова монастыря в Петербурге, в Лесном, на Большой Спасской улице, (ныне проспект Непокоренных). Построенная в 1905—1911 гг., церковь, к сожалению, была снесена в 1970-х годах.

Ныне не осталось и следа от еще нескольких построек Никонова, входивших в состав разных подворий, в том числе располагавшихся на Охте подворий Коневского Богородице-Рождественского и Красногорского Богородицкого монастырей.

Сильно поврежденным и перестроенным, но отчасти сохранившимся дожил до наших дней архитектурный комплекс Епархиального братства Пресвятой Богородицы (Боровой улица 50—52). Здесь в течение последнего десятилетия XIX в. по проектам Н. Н. Никонова возвели богато декорированную церковь с шатровой колокольней, а рядом с ней — четырехэтажный «братский дом», перекликающийся с храмом ярким многоцветием своего главного фасада. «Братский дом» и его декоративное убранство, выполненное в традициях «русского стиля», достаточно хорошо сохранились. Церковь же дошла до наших дней обезглавленной, перестроенной внутри и лишенной большинства своих украшений. Полностью разобрана была колокольня, которую венчал сильно вытянутый вверх шатер, гармонично сочетавшийся с пятиглавием основного четверика церкви и двумя луковичными главами над ее приделами. В настоящее время в храме ведутся реставрационные работы.

«Братскому дому» по убранству главного фасада очень близко еще одно здание, спроектированное Н. Н. Никоновым. Это принадлежавший самому архитектору пятиэтажный доходный дом по Колокольной улице, 11, построенный в 1899—1900 гг. Красочные декоративные детали по мотивам древнерусского зодчества контрастно выделяют дом Никонова на фоне соседних, невыразительных построек и делают его архитектурным центром одной из улиц старого Петербурга.

В таком же «русском стиле» выполнены фасады дома на Ямской улице (ныне ул. Достоевского, 38), по проекту 1894 года.

В начале XX века под влиянием модерна «национальное» направление в архитектуре России претерпело значительные изменения: на смену увлечению красочным «узорочьем» прошлых лет пришло стремление подчеркнуть суровую монументальность обобщенных форм, напоминающих сооружения древних Новгорода или Пскова. Несмотря на новые веяния в моде, в области культового зодчества, которому Н. Н. Никонов посвятил свою

жизнь, архитектору удалось сохранить верность традициям выбранного им «русского стиля». О неизменности творческого постоянства мастера свидетельствовала уже упоминавшаяся нами церковь подворья Лютикова монастыря.

Изобретательно интерпретировал Никонов мотивы «узорочья» в проекте церкви при подворье Серафимо-Дивеевского монастыря близ Петергофа, исполненном в 1903 г.

В тот же ряд вписывается и последнее крупное произведение Н. Н. Никонова — церковь во имя иконы Казанской Божией Матери, сооруженная в 1913—1915 гг. в курортном поселке Териоки (Зеленогорск).

Эта многоглавая церковь с высокой (около 50 метров) колокольной удачно поставлена на возвышении при въезде с Приморского шоссе в центральную часть нынешнего Зеленогорска. Как писал очевидец строительства, «стиль храма — московско-ярославский... с тем лишь различием, что строителями устранена пестрота окраски, и вся церковь снаружи оштукатурена и окрашена в один белый цвет, отчего здание получило чрезвычайно красивый вид и производит на всех очаровывающее впечатление». Отказ от полихромии и побелка фасадов позволили автору проекта усилить ощущение цельности, монолитности композиции, то есть подчеркнуть такие ее свойства, которые особенно стали цениться на новом этапе развития «национального стиля».

В табели о рангах Николай Никитич прошел путь от коллежского регистратора до коллежского асессора. Ввиду отсутствия диплома о высшем образовании, Никонов так и не получил соответствующего его профессиональному уровню звания академика архитектуры. Тем не менее, заслуги архитектора были неоднократно отмечены. 14 мая 1896 года он был награжден орденом святого Станислава 3-ей степени. В этом же году он был принят в пожизненные члены Санкт-Петербургского Епархиального Братства, что было особенно почетно, поскольку в их числе (на тот момент их было 46) были великие князья и княгини, высшие государственные чиновники, архиереи, священнослужители. Несколько лет спустя, 6 июля 1900 года Никонову был пожалован орден святой Анны 3-й степени за проект и постройку каменного трехпрестольного храма в подворье Важеозерской Задне-Никифоровской пустыни в Петербурге. Из полученного им вознаграждения он большую часть денег пожертвовал в пользу подворья. И это немаловажный показатель моральных качеств архитектора.

Как православный христианин, Никонов имел большую семью, в которой воспитывал четверых детей: дочерей Варвару, Зиновию, Ольгу и сына Николая. Сын пошел по стопам отца, также выбрав профессию зодчего.

Уйдя в 1906 году с должности епархиального архитектора, Никонов много и плодотворно трудился до последних дней своей жизни. В окаянные дни 1917 и 1918 гг. зодчий проживал в Самаре, где в то время работал его сын, избравший профессию отца. Вместе они проектировали здания самарского рынка.

Знаменитый архитектор, как и многие его друзья, строители и архитекторы, со слезами на глазах встретил осквернение и разрушение храмов, предание забвению национальных устоев новыми властителями России. Последние записи, которые оставил Никонов в своей записной книжке, датированы 4 и 5 июля 1918 г. Должно быть, вскоре после этого архитектор и завершил свой жизненный путь.

Нам сейчас остается склонить голову перед творческим наследием Великого Православного Зодчего, уроженца Пошехонской земли, занимающего высокое место в еще лишенной стройности картине российской архитектуры конца XIX и начала XX века и отдать дань

уважения патриоту и проповеднику Русского стиля, выходцу из простых крестьян Ярославской губернии Николаю Никитичу Никонову.

* Философ Николаевич Орнатский (1860-1918) — духовный ученик и сподвижник Иоанна Кронштадтского, последний настоятель Казанского кафедрального Собора в Спб, выдающийся просветитель и религиозный деятель.